

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все, что я хотел сказать этой работой, следующее. Способом и смыслом существования Русского царства, а затем и Российской империи, была успешная территориальная экспансия, осуществляемая путем присоединения территорий в результате военных успехов и колонизации. Главной целью всегда оставалось величие империи, в то время как общество служило лишь целью для ее осуществления. За петровскую модернизацию Россия заплатила немалую цену в человеческих жизнях.

В XVIII–XX веках расширение пределов империи и сферы ее политического влияния происходило с использованием военной силы. Милитаризация страны и всей общественной жизни легла тяжелейшим бременем на малопроизводительную экономику страны. Как и большинство империй, Россия, используя свою военную мощь, подчиняла себе все больше новых народов. Постоянный характер российской имперской стратегии на всем протяжении истории имели западное и южное направления.

В 1849 году Россия, в самом широком плане, считалась сильнейшей страной Европы. Однако на определенном этапе экспансионизм перестал умножать военную мощь России и стал способствовать ее упадку. Реализация такой политики требовала постоянного напряжения сил империи, главным двигателем которой была армия.

Уже в первой половине XIX века Россия стала самой многонациональной страной Европы, и армия, как самый могущественный инструмент внешней политики страны, должна была в полной мере испытать на себе все те изменения, которые произошли в национальном составе империи за последние полвека. Именно при Николае I в русскую армию были влиты чужеродные ранее элементы, которые до 1874 года не представляли особой опасности, но заложили «мину замедленного действия» – проблему использования нацменьшинств в войсках.

После введения всеобщей воинской повинности и появления «вооруженной нации» эта проблема вспыхнула с новой силой. Отныне больше нельзя было надеяться на то, что армия будет сугубо русской. Недовольство генералов потоком нацменьшинств в воинских частях привело к практике «латания дыр» и исключений. Оказалось, что уравнивать в правах всех инородцев империи можно было лишь на словах – на деле доверить большей части из них государственные и военные секреты высокое армейское руководство так и не решилось.

Однако в данном случае вина армии была лишь вторичной. Войскам требовались хорошо обученные и грамотные солдаты, а общество поставляло лишь тех людей, которые имело на тот момент. Русский язык в импе-

рии лишь формально считался государственным, но на практике огромная масса нерусского населения им не владело или владело крайне плохо. В результате из самых отдаленных концов империи в армию поступали новобранцы, не владевшие русским языком и абсолютно не понимавшие команд. Надеяться на полное взаимодействие с личным составом и четкое выполнение приказов командования в этом случае не приходилось, а использовать этот уже поступивший в войска контингент требовалось. Как итог, вместо шлифования боевой подготовки, армия стала превращаться в инструмент обучения новобранцев обычной школьной программе, что порой занимало более половины срока службы. На отработку сугубо военных знаний уже просто не оставалось времени.

Второй серьезной проблемой, помимо знания русского языка, было происхождение новобранцев, их национальность. «Магия числа», попытка простой арифметической численностью решить все проблемы армии, привели к тому, что процент инородцев в частях войск достигал (а то и превышал 30%). Во многих случаях это число было критическим. Многие армейские командиры считали свои воинские части и рода войск хранителями государственных секретов, допускать к которым разрешалось лишь «проверенные» нацменьшинства. Среди «подозрительных» оказались все народности, проживающие на западных границах империи, откуда исходила самая большая угроза войны в конце XIX – начале XX вв.

Командиры частей и командующие войсками округов стремились любым путем освободиться от подобного контингента, однако каждый раз в результате оказывалось, что штабные генералы не могут найти правильного применения нацменьшинствам по причине их политической неблагонадежности (а если быть точнее – то тотального недоверия к ним со стороны властей).

На тот момент никаких «духовных скреп», способных сплотить воедино все разношерстное население огромной империи, не оказалось.

Таким образом, армия стала заложником той победоносной экспансионистской политики государства, которая активно проводилась, начиная с середины XVIII века и по первую треть XIX века. Армия оказалась не готова к новой для себя роли, которое отводило ей общество. За 40 лет, с момента введения всеобщей воинской повинности и до начала Первой мировой войны, эти проблемы превратились в снежный ком, решить их высокое армейское командование не смогло. В свою очередь, общество просто переложило на армию свою часть ответственности по формированию «вооруженной нации» (в частности, начальное школьное образование и знание языка).